

DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-3-115-124

УДК 342.5(045)

JEL R11, J10, H72

Актуальные проблемы развития регионов России: экономика и демография

А.А. Ткаченко

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Предмет исследования — взаимоотношения российских регионов и федерального центра на основе анализа степени эффективности предоставляемых им дотаций из федерального бюджета. *Цель работы* — установление целесообразности расширения рамок правового поля субъектов Российской Федерации для решения их демографических и экономических проблем и обеспечения устойчивого роста. Рассмотрено влияние частичного финансирования национальных проектов на решение демографических и экономических проблем, обоснована необходимость учета особенностей региона в проведении региональной политики. Введено понятие «хронически отстающий регион». Показано, что за счет снижения сверхсмертности мужчин в трудоспособном возрасте возможна компенсация более 80% убыли населения. Приоритетной задачей финансово-бюджетной и здравоохранительной политики определено сокращение мужской сверхсмертности в России. Отмечено, что дифференциация населения по богатству в бедных регионах больше, чем в среднем по стране. *Сделан вывод* о том, что в российской статистике необходимо выделение не совпадающих с существующими административными границами метрополитенских статистических территорий (*metropolitan statistical area*), на основе которых происходит рост крупных городов. Выдвинуты инициативы об ежегодном проведении переговоров федерального и региональных правительств о размерах трансфертов и пересмотре подходов к определению национально-территориального и глобального общественного блага. **Ключевые слова:** субъекты федерального государства; статистическая методология; структура денежных доходов; финансовый федерализм; бюджетная обеспеченность регионов; мужская сверхсмертность

Для цитирования: Ткаченко А.А. Актуальные проблемы развития регионов России: экономика и демография. *Экономика. Налоги. Право*. 2024;17(3):115-124. DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-3-115-124

ORIGINAL PAPER

Actual Problems of Development of Russian Regions: Economics and Demographics

A.A. Tkachenko

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The subject of the study is the relationship between Russian regions and the federal center based on the analysis of the degree of effectiveness of subsidies provided to them from the federal budget. *The purpose of the work* is to establish the expediency of expanding the legal framework of the subjects of the Russian Federation to solve their demographic and economic problems and ensure sustainable growth. The influence of partial financing of national projects on solving demographic and economic problems is considered, and the need to take into account the peculiarities of the region in conducting regional policy is shown. The concept of a "chronically lagging region" has been introduced. It is shown that by reducing the supermortality of men of working age, compensation for more than 80% of the population loss is possible. The reduction of male supermortality in Russia has been identified as a priority task of financial, budgetary and health policy. It is noted that the differentiation of the population by wealth in poor regions is greater than the national average. *It is concluded* that in Russian statistics it is necessary to identify metropolitan statistical areas that do not coincide with the existing metropolitan statistical area, on the basis of which the growth of large cities takes place. Initiatives have been put forward to hold annual negotiations between federal and regional governments on the size of transfers and to reconsider the consideration of a healthy environment as a national and territorial, and not only as a global public good.

Keywords: subjects of the federal state; statistical methodology; structure of monetary income; financial federalism; budgetary provision of regions; male supermortality

For citation: Tkachenko A.A. Actual problems of development of Russian regions: economics and demographics. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2024;17(3):115-124. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-3-115-124

© Ткаченко А.А., 2024

ВВЕДЕНИЕ

Кризисные явления в демографических процессах России, возникшие вне связи с пандемией COVID-19, но усугубленные ею, многообразны [1], а возможности их регулирования на местном уровне ограничены из-за нехватки имеющихся в распоряжении регионов средств. По этой причине целесообразно рассмотрение ситуаций, при наступлении которых местная власть могла бы играть более важную роль в решении насущных проблем.

Многие исследователи видят панацею в притоке населения или по крайней мере в прекращении убыли населения. Так, в 2022 г. отрицательный миграционный прирост в пределах России составил в Уральском федеральном округе 11,3 тыс. чел., в Сибирском федеральном округе — 32,8 и в Дальневосточном федеральном округе — 24,4 тыс. чел.¹ Одновременно с этим происходило сокращение объема положительного сальдо внешней миграции: в 2023 г. оно составило 110,1 тыс. чел., что больше показателя 2022 г. — 61,9 тыс. чел., но значительно меньше 2021 г. (429,9 тыс. чел.), в 2,6 раза ниже предковидного 2019 г. и в 2,5 раза — докризисного 2014 г. периода².

Существует ряд федеральных и национальных проектов, направленных на решение демографических проблем, которые частично субсидируются федеральным бюджетом в зависимости от уровня экономического развития субъектов Российской Федерации. В 2024 г. список национальных проектов расширится, как следует из послания Президента Российской Федерации В. В. Путина Федеральному собранию³.

Известно, что дотации отдельным регионам, особенно в федеральных государствах, направляются на дополнительное стимулирование их развития. В этой связи представляется актуальным рассмотрение влияния дотаций на экономику регионов России.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Неравномерность экономического развития субъектов Российской Федерации была заметной в самом начале ее перехода к рыночным отношениям и признавалась важнейшей проблемой, которую надо было решать выравниванием экономического развития без обоснования возможностей и пределов ее сглаживания исходя из объективных факторов неравномерности, в число которых входят различия в уровне социально-экономического развития, а также неполноценное использование своих технологических, производственных, природных, интеллектуальных или иных преимуществ, наряду с факторами дифференциации показателей развития. Но имеется ряд причин, которые обуславливают возможность повышения неравномерностей развития, хотя они сложились под воздействием экономического роста в дорыночном прошлом.

Самый очевидный и сильно влияющий на неравномерность развития регионов фактор — уровень инфраструктуры, который влияет на деятельность регионального/местного бизнеса, привлекательность для инвестиций, готовность внерегионального бизнеса вкладывать капиталы в индустриальную и другие сферы региона и т.д. Например, на один из привлекательных по ряду признаков Краснодарский край, имеющий удельный вес населения в численности жителей нашей страны, равный 3,97%, приходится всего 2,5% общероссийского показателя инвестиций в основной капитал, что даже ниже доли валового регионального продукта — 2,6%⁴.

Одним из мощных по экономическому воздействию инструментов, влияющих на неравномерность развития региона, может быть такой бюджетный механизм, как выделяемые государством из бюджета дотации, которые в отличие от других форм межбюджетных трансфертов не несут в себе расходных обязательств регионов и поэтому могут служить уменьшению неравномерности развития.

В России получателями дотаций из Фонда финансовой поддержки субъектов Российской Федерации были по итогам 2014 г. более 85% регионов, пять из которых получали более 30% средств. Это Респу-

¹ Численность и миграция населения Российской Федерации в 2022 году. (Статистический бюллетень). М.; 2023. Таблица 2.2.

² Расчет и данные по: Социально-экономическое положение России. Москва январь 2024 года. М.: Росстат; 2024. С. 186; Численность и миграция населения Российской Федерации. Статистические бюллетени за соответствующие годы. Таблица 2.6.

³ URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73585>.

⁴ Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2023: Стат. сб. Росстат. М.; 2023. С. 326.

Таблица / Table

Удельный вес субъекта в общероссийских показателях в 2022 г. / Share of the region in all-Russian Indicators in 2022

Регион / Region	Валовой региональный продукт в 2021 г. / Gross regional product in 2021*	Денежные доходы населения / Monetary income of the population *	Медианный денежный доход населения / The median monetary income of the population *	Уровень безработицы / Unemployment rate	Среднемесячная начисленная заработная плата / Average monthly accrued salary	Средний размер назначенных пенсий / The average amount of assigned pensions	Доля оплаты труда в денежных доходах / The share of wages in cash income
Россия / Russia	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Республика Дагестан / Republic of Dagestan	31,2	74,2	76,9	310	53,7	74,4	35,3
Республика Ингушетия / Republic of Ingushetia	17,9	46,2	49,8	731	50,2	82,1	55,6
Чеченская Республика / Chechen Republic	21,4	67,5	69,0	282	51,6	85,8	49,6
Республика Тыва / Republic of Tyva	32,2	51,3	53,7	244	79,2	93,2	89,2

Примечания / Note: * — на душу населения / per capita.

Источник / Source: рассчитано по: URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/47652>.

блика Саха (уровень бюджетной обеспеченности 0,445 от среднероссийского уровня), Республика Дагестан (0,264), Камчатский (0,229) и Алтайский (0,510) края, Чеченская Республика (0,255) [2, с. 32].

В 2021 г. Минфин России назвал шесть регионов страны, доля дотаций на которые в общей сумме их собственных доходов превышала 40% в течение двух из трех предшествующих лет⁵. Это две республики Восточной Сибири — Алтай и Тыва, три республики Кавказа — Дагестан, Ингушетия, Чечня, а также Камчатский край. Таким образом, за

десять лет функционирования экономики регионов эту динамику нельзя признать развитием, так как только Якутия смогла покинуть эту высокодотационную группу регионов. Рассмотрим беднейшие по бюджету регионы (таблица), в которых уровень бюджетной обеспеченности до распределения дотаций был самым низким в стране — меньше 0,25 в 2020 г. и 0,29⁶ в 2023 г.⁷

Во всех республиках медианный среднедушевой денежный доход, под которым понимается величина денежного дохода, относительно которой половина

⁵ С 2022 г. Федеральный закон от 29.11.2021 № 384-ФЗ изъясляет положение о такой цели дотаций, как необходимость достижения минимального уровня расчетной бюджетной обеспеченности субъектов.

⁶ URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2022/12/main/FFPR_na_2023_-_2025_gody.pdf.

⁷ Среднероссийский уровень = 1.

населения в целом по Российской Федерации имеет значение среднедушевого дохода ниже данной величины, а другая половина — выше данной величины, был выше денежного дохода, включающего все поступления денег в бюджет семьи, что свидетельствует о большей дифференциации населения по доходам несмотря на большую бедность. Этот факт также свидетельствует о недостаточности эгалитарности⁸ в политике федерального государства. При анализе структуры денежных доходов выделяется прежде всего Ингушетия, в которой доля доходов от предпринимательской деятельности чрезвычайно низка (0,9%), что свидетельствует об отсутствии каких-либо положительных результатов от выполнения национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» для этой республики⁹. Доля оплаты труда, как и следовало ожидать, была ниже ее среднероссийской доли, но если в Тыве она более близка к средней (89%), то в Северокавказских республиках — ниже в 1,8–2,8 раза. Намного выше средней в этих республиках доля прочих денежных поступлений: в Дагестане — в 4,7 раза, в Ингушетии — в 2,4 раза, в Чечне — в 2,7 раза, а в Тыве такие доходы практически отсутствуют — 0,2% по сравнению с 11,4% в Российской Федерации¹⁰. В Дагестане столь высокая доля оплаты труда вызвана скорее всего трудовой миграцией и переводами мигрантами денег в семьи, так как почти весь миграционный поток из республики циркулирует в пределах страны и «направлен в экономически развитые регионы» [4, с. 174–175].

Обычно меры федеральной политики¹¹ по повышению доходов населения осуществляются при почти полном общественном одобрении, несмотря на то, что большинство из них в последние десятилетия принимались без учета возможностей

регионов и поэтому требовали федеральной помощи государства. Например, повышение оплаты труда работникам бюджетной сферы¹² потребовало в 2014 г. компенсации (субвенций) дополнительных расходов для 95,2% субъектов Российской Федерации. Но поэтапное повышение заработной платы различным категориям работников по 2018 г. включительно предусматривало со стороны федеральной власти только частичную компенсацию, что привело к многочисленным негативным последствиям, связанным с дилеммой: выполнение Указа без наличия достаточных средств.

Решение данной проблемы было связано с различными паллиативами региональных органов власти, «подгонявших» решение под формальные критерии выполнения. При этом следует учесть зарубежный опыт, свидетельствующий о необходимости добиваться максимальной синергии между инициативами в области социальной и экономической помощи многим регионам, поскольку эти виды помощи идут рука об руку. Канадская система трансфертов (*transfers*) провинциям построена на трех основных направлениях: трансферте на здравоохранение, социальном трансферте и трансфертах по программе выравнивания, т.е. дотаций. Эта система постоянно пересматривается — процесс изменений продолжается и будет всегда, как подчеркивает Т. Томбе, предметом переговоров [5, р. 917]. В этой связи не только полезны, но и необходимы ежегодные переговоры федерального и региональных правительств¹³, особенно когда речь идет о низкодходных/бедных субъектах.

О необходимости новой модели федеральной политики регионального развития и внесения определенных изменений в систему межбюджетных отношений Е.М. Бухвальд писал еще в 2008 г., отмечая стремление федерального центра не допускать региональных отклонений от общего экономического курса [6, с. 70]. Однако возникает вопрос: что называется региональным отклонением внутри уже сформулированных целей и задач экономической политики действующих федеральных проектов и программ, определяющих стратегий и концепций?

⁸ Под эгалитаризмом (от французского *égal* — «равный») подразумевается направление в политической философии, которое основывается на концепции социального равенства.

⁹ Экономике Республики Ингушетия пытались возродить в середине 1990-х гг., создав зону экономического благоприятствования [3]; затем в начале 2010-х гг. — особую экономическую зону для развития горно-туристических комплексов.

¹⁰ Рассчитано по: URL: <https://docs.cntd.ru/document/420210237>.

¹¹ Эти меры можно относить к социальной политике только в случае, если речь идет о социальных пособиях (*benefit*) любого вида, перечисленных в Конвенции 118 МОТ: Конвенции и рекомендации, принятые Международной конференцией труда. 1957–1990: В 2 т. Женева: Международное бюро труда; 1991. 2247 с. Том II, с. 1331.

¹² В связи с Указом Президента Российской Федерации от 07.05.2012 № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики».

¹³ Поэтому не Минфин России, как пишут СМИ, должен вести переговоры с регионами, а правительство: «Минфин заставит 8 губернаторов ответить за дефицит бюджета» (URL: <https://www.dk.ru/news/237194291>).

Без самостоятельных решений и инициатив региона достижение любой общей цели невозможно или во всяком случае мало действенно, если принимать во внимание территориальную специфику и реальную выполнимость поставленных задач в случае, если невозможно достигнуть эту цель в установленные сроки. Бюджетный или финансовый федерализм (*fiscal federalism*) считается эффективным в разграничении меры влияния федерального центра и возможностей самих региональных властей, пока бюджетное влияние на территории не приводит к переходу хронически отстающих регионов¹⁴ в более приемлемый ранг развития.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНОВ

Демографическая тематика после 1992 г., когда в России начался период отрицательного естественного воспроизводства населения, т.е. демографического кризиса, не сходит со страниц средств массовой информации и научных изданий. Государственная власть в последние десятилетия вносит положения, касающиеся путей повышения рождаемости и численности населения, во все важнейшие концепции и стратегии развития страны, в том числе в концепцию национальной безопасности. Определенной вехой в государственной политике в области народонаселения стал национальный проект «Демография». Соответствующий Указ¹⁵ предусматривал достижение двух демографических целей: устойчивого естественного роста численности населения и повышения ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет, а к 2030 г. — до 80 лет. В год принятия Указа коэффициент естественного прироста был отрицательным: –1,6%, в доковидный 2019 г. он увеличился до –2,2%, а в первый ковидный год до –4,8%, в 2022 г. снизился до –4,1%, в 2023 г. — до –3,3%, что свидетельствует о невозможности достичь даже в 2024 г. положительного естественного прироста. Хотя абсолютная цифра убыли населения в 2023 г. меньше, чем в 2022 г. на 145,6 тыс. чел., число умерших все еще значительно и почти на полмиллиона че-

ловек превышает число родившихся (–495,3 тыс. чел.)¹⁶. Относительно второй цели Указа необходимо отметить, что в 2023 г. ожидаемая продолжительность жизни при рождении для всего населения составила только 73,1 года¹⁷, поэтому в 2024 г. Россия по этому показателю будет очень далеко от установленной цели, которая не вполне корректна исходя из слишком больших различий в показателях мужчин и женщин. Согласно новому прогнозу Росстата общий для обоих полов показатель вырастет до 79,83 года в 2045 г., т.е. приблизится к цели — 80 лет, установленной Указом на 2030 г., с пятнадцатилетним опозданием. Разрыв между мужчинами и женщинами по этому показателю уменьшится до 7,41 года по сравнению с 9,94 года в 2020 г. Это уменьшение, которое можно оценивать как положительный факт [7, р. 126], свидетельствует также о снижении почти в два раза (на 45,6%) темпов сокращения этого разрыва по сравнению с 2010–2020 гг.¹⁸ Этот прогнозный показатель, *во-первых*, вызывает глубокий пессимизм в отношении задачи уменьшения мужской сверхсмертности, под которой подразумевается устойчивое явление, определенное выдающимся советским ученым-демографом Б.Ц. Урланисом 56 лет назад¹⁹, и состоящее в том, что смертность мужчин в большинстве возрастных групп превышает смертность женщин и вызывается прежде всего социально-культурными причинами, и требует, *во-вторых*, радикальных изменений в здравоохранительной и социальной политике в отношении мужского населения, как это было рекомендовано Всемирным банком для России²⁰.

Проблема мужской сверхсмертности рассматривалась в течение десятилетий [8, с. 127–134] в различных аспектах: от медицинских [9; 10] и экономических [8; 11] до культурных [12], но принимаемые решения не приводили к пересмотру государственной соци-

¹⁴ В отличие от депрессивных регионов, эта категория определяется по периоду помощи федерального бюджета, которая по размеру больше собственных бюджетных средств субъекта.

¹⁵ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».

¹⁶ URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/EDN_12-2023.html.

¹⁷ Росстат отмечает, что «ранее опубликованное значение 2022 года — 72,73 года», при этом причина пересчета в сторону роста в публикации не указывается.

¹⁸ Рассчитано автором по: Демографический ежегодник России. 2023: Стат. сб. Росстат. М.; 2023:46–47. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/220709>.

¹⁹ Урланис Б.Ц. История одного поколения. М.: Мысль; 1968. 272 с.

²⁰ Dying too young. Addressing Premature Mortality and Ill Health Due to Non-Communicable Diseases and Injuries in the Russian Federation. Washington: The World Bank; 2005:91–94.

альной и здравоохранительной политики и сколько-нибудь заметному изменению ситуации. По этой причине в национальный проект «Демография» в число составляющих его пяти федеральных проектов включен проект под названием «Укрепление общественного здоровья», под которым государство понимает здоровый образ жизни, здоровое питание, отказ от вредных привычек. Мотивация к укреплению общественного здоровья как цели проекта может в какой-то мере повлиять на уменьшение уровня заболеваемости и смертности, но в целом это просто сопутствующее обстоятельство, которое обусловлено не столько идейной мотивацией, сколько реальным уровнем жизни людей и финансово-материальными возможностями, например корпоративной политикой предприятия, предусматривающей доплаты некурящим сотрудникам компании.

Проблема значительной дифференциации регионов России по коэффициенту младенческой смертности, одному из самых важных показателей социодемоэкономического развития, когда в одних субъектах Российской Федерации он приближается к среднеевропейскому показателю (4‰), а в других находится на уровне развивающихся стран с доходами ниже средних или даже наименее развитых государств (8,2 и 15,8‰ соответственно)²¹ и усугубляется неустойчивостью достигнутых уровней в подавляющем большинстве регионов. Этот показатель колеблется из года в год при отсутствии видимых значительных изменений в качестве или уровне жизни даже в годы пандемии коронавируса [13, с. 119–121]. Заметим, что худшие показатели младенческой смертности были в Чукотском автономном округе и Республике Алтай, которые находятся среди постоянных получателей дотаций как регионы с низким и очень низким уровнем расчетной бюджетной обеспеченности. Кроме того, Республика Алтай входит в число девяти субъектов с повышенным среднелюдовым финансированием по национальным проектам [14, с. 32], но, несмотря на это, она занимает в распределении финансовой поддержки между регионами по национальным проектам с учетом численности населения только 69-е место, а Чукотка — последнее место в этом списке [14, с. 33].

Первоочередность решения проблемы рождаемости стала причиной введения института «мате-

ринского (семейного) капитала»²², который, с одной стороны, устанавливается единой величиной для всех субъектов Российской Федерации независимо от регионального уровня рождаемости, а с другой стороны, с большой опорой на возможности региональной власти в виде дополнительной региональной поддержки при рождении ребенка, которая в настоящее время выплачивается большинством регионов по очень разным критериям и величинам выплат [15]. Критерии региональных выплат устанавливаются региональными властями [16] с ориентацией скорее всего на бюджетные возможности, поэтому субъекты Российской Федерации с более высокой рождаемостью и с большей долей семей с детьми высоких порядков рождения устанавливают выплаты регионального капитала начиная с третьего или четвертого ребенка. Многие исследователи-демографы ставят под сомнение возможности повышения уровня рождаемости благодаря принятию этой меры, а экономисты и «социальщики» исследуют его роль в снижении бедности и поддержке материального положения семьи после рождения ребенка [17].

Но даже в этом аспекте влияние социального пособия не однозначно. Так, О. Селиванова и В. Смирнов [18] на основе анализа воздействия материнского капитала на снижение бедности исходя из результатов рассмотрения 72 региональных программ по снижению бедности пришли к выводу о незначительном влиянии материнского капитала на сокращение региональной бедности.

Необходимость разработки собственных региональных программ демографического развития должна осознаваться самими региональными властями, лучше знающими потребности и возможности местного сообщества, экономики и домохозяйств/семей, а не полагаться только на директивы федерального центра. О различиях в смертности между регионами можно судить не только по уровню младенческой смертности, но и по смертности населения в трудоспособном возрасте. Так, в селе соответствующие коэффициенты выше, чем в городе, на 14% для мужчин и на 18% для женщин, поэтому в регионах с большей

²¹ URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13269>.

²² Капитал выплачивается семье, где мать и отец равны в своих правах, но гендерное равенство в Российской Федерации нарушается, так как только с 2022 г. отцы-одиночки получили право на такой капитал, а право на его расходование на формирование накопительной части пенсии имеют только матери.

долей сельского населения данный индикатор смертности будет больше. При этом в городском населении уровень смертности мужчин трудоспособного возраста выше, чем у женщин, в 3,6 раза, а в сельском — в 4,1 раза²³.

Кроме попыток поднять рождаемость, возможным каналом роста численности населения может быть внешняя миграция. Поэтому государство уделяет больше внимания миграционной политике во всех ее ипостасях, включая так называемое «возвращение» соотечественников, чем здравоохранительной политике. А ведь за счет доведения смертности мужчин в трудоспособном возрасте²⁴ до уровня женской смертности в соответствующих возрастах можно было бы увеличить ежегодную численность населения более чем на 280 тыс. чел., а с учетом пожилого мужского населения до 80 лет — на 455 тыс. спасенных жизней. Это составляет почти 48% от численности всех умерших мужчин в 2022 г., или 85,5% от величины естественной убыли всего населения в 2023 г.²⁵

Внешняя миграция как важное экономическое и социальное явление современности играет весьма различную роль в регионах России, которая в первую очередь зависит от потребностей регионального хозяйства и рынка труда в заполнении вакансий. В течение всего XXI в. число субъектов Российской Федерации, принимающих значительные потоки иностранной рабочей силы, было весьма ограниченным, но это были регионы с диверсифицированной экономической структурой. Даже в этих регионах занятость иностранной рабочей силы ограничивается лишь рядом сфер и производств общественного хозяйства, а также сферой услуг, оказываемых в домашних хозяйствах. Подавляющая часть потоков иностранной миграции сосредоточивается всего в десяти регионах-субъектах — 74,3% среди всех въехавших за предковидный 2019 г. с целью трудоустройства, в том числе 62,2% в четыре столичные субъекты: Москву, Санкт-Петербург, Московскую и Ленин-

градскую области. В 2022 г. 13 регионов приняли 49,1% всех прибывших мигрантов²⁶.

Если судить по разрешениям на работу, выданным иностранным гражданам, то среди них в высокой степени доминируют мужчины — 80–81% в 2021 и 2022 гг.²⁷ В притоке населения в первую очередь по экономическим причинам нуждаются многие средние и крупные города, развитие которых сдерживается уменьшением численности населения или стагнацией, при которой неизменно происходит демографическое старение населения и, следовательно, снижается привлекательность регионов для инвесторов. Социальное и особенно экономическое развитие крупнейших городов России прослеживается по динамике численности их населения. Так, 12 городов с численностью более 1 млн жителей в 1990 г. испытали сокращение численности своего населения в 1990-е гг., а в 2023 г. среди 15 городов²⁸ отмечено снижение численности населения в подавляющем большинстве городов — «миллионников», кроме Москвы, Казани, Уфы и Красноярска.

Многие города мира проводят политику по привлечению мигрантов. Это относится даже к крупным городам США, например к бывшей сталелитейной столице Питтсбургу, где решение этой проблемы стало условием возврата к процветанию городской экономики. Метрополитенская территория Питтсбурга потеряла 122 тыс. дополнительных жителей в период 2000–2020 гг. Питтсбург как агломерация занимает последнее место по привлечению жителей иностранного происхождения — его показатели в расчете на 100 тыс. жителей в 9,4 раза ниже, чем в Майами²⁹. По аналогичной причине в городах Ржа-

²⁶ Численность и миграция населения Российской Федерации в 2022 году. М., 2023. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283>.

²⁷ Рассчитано по: Труд и занятость в России. 2023: Стат. сб./ Росстат. М.; 2023. С. 116.

²⁸ В XXI в. в число городов с населением свыше 1 млн вошли Красноярск, Воронеж, Волгоград и в 2022 г. — Краснодар, численность населения которого в 2021 г. увеличилась на 166 тыс. чел, хотя до и после этого года ежегодный прирост был в среднем около 20 тыс. Представляется необходимым выделение в российской статистике как крупных городов, так и отдельно метрополитенских статистических территорий (metropolitan statistical area) на их основе, так как все чаще рост этих городов происходит за счет расширения административных границ на соседние тесно с ними связанные территории. В российских официальных документах употребляется только понятие «крупнейших городских агломераций», не имеющее статистической интерпретации.

²⁹ Рассчитано по: Craig Tim. Some states spurn migrants.

²³ Рассчитано по: Демографический ежегодник России. 2023: Стат. сб. Росстат. М.; 2023: 85–86.

²⁴ Мужское население в возрасте 15–64 лет.

²⁵ Рассчитано по: Демографический ежегодник России. 2023: Стат. сб. Росстат. М.; 2023: 21, 76, 79 ; Численность и миграция населения Российской Федерации в 2022 году (URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283>); оперативные данные по естественному движению населения Российской Федерации.

вого пояса (*Rust Belt*) США многие местные лидеры рассматривают жителей иностранного происхождения (*foreign-born residents*) как спасательный круг для омоложения населения, увеличения количества рабочей силы и преобразования местных культур. Это также касается проблем подавляющего числа российских больших городов. Но если о Питсбурге говорят, что «за последние 20 лет мы были одним из первых и единственным крупным мегаполисом, где наблюдалась естественная убыль населения — смертей было больше, чем рождаемости»³⁰, то среди российских городов это устоявшаяся ситуация депопуляции. Именно поэтому городской власти следует подумать о возможностях привлечения иммигрантов, не полагаясь на государственную программу «Соотечественники» и принятые в связи с ней региональные программы переселения³¹. Кроме того, упадок городов Ржавого пояса США, связанный с деиндустриализацией, стимулировал создание концепции упадка, в рамках которой возникают новые модели развития [19]. Все крупные российские города к востоку от Урала ждут такой же процесс деиндустриализации, что требует создания новых моделей их развития. Предложить им следовать примеру города Топика в штате Канзас: выплачивать каждому легальному иммигранту до 15 тыс. долл. за переезд в этот город, — вряд ли

возможно, учитывая бюджеты российских городов, но видеть в мигрантах спасательный круг для городского развития российским мэрам стоит.

Прогноз Росстата в отношении миграции весьма пессимистичен: снижение до 221,8 тыс. чел. к 2046 г. Мы же говорим только об экономической миграции и о вкладе иммигрантов в экономику стран прибытия/назначения. В последнее время ситуация с иммигрантами ухудшилась во многих странах, где местное население выступает против занятия ими рабочих мест. В этой связи даже нобелевский лауреат по экономике П. Кругман заявил: «Нет, иммигранты не «отравляют кровь нашей страны»³².

ВЫВОДЫ

В своей бюджетной политике федеральный центр должен расходовать средства на сокращение бедности, улучшение здравоохранения и образования населения значительно больше, чем региональные власти.

Анализ дифференциации регионов России по ряду важнейших показателей и затрат федерального бюджета на так называемое «выравнивание» бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации позволяет сделать вывод о низкой эффективности вливания средств в бюджеты регионов и необходимости изменения политики финансового/бюджетного федерализма наряду с целесообразностью установления более уравновешенной для федерального государства системы субординации федеральных и региональных законов и правового поля в целом.

³² URL: <https://www.nytimes.com/2023/11/13/opinion/columnists/trump-immigrants.html>.

The Rust Belt wants them / Washington Post, 8.12.2023. URL: <https://www.washingtonpost.com/nation/2023/12/08/pittsburgh-immigration-new-york-chicago>.

³⁰ Там же.

³¹ Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» (2006 г.).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ткаченко А.А. Демографическое развитие России: тупик или надежда? (демографические заметки пессимиста). *Власть*. 2023;31(5):115–128.
2. Шавалеева Ч.М. К вопросу о дотациях субъектам Российской Федерации. *Финансы и кредит*. 2015;638(14):31–41.
3. Антошкиева Т.М. Уроки свободной экономической зоны Ингушетии. *Мир науки, культуры, образования*. 2012;37(6):87–88.
4. Адиев А.З., Бийжанова Э.К. Миграционные процессы и демографический ресурс Дагестана: динамика и муниципальные особенности. *Власть*. 2019;27(6):172–178.
5. Tombe T. “Final and Unalterable” — But Up for negotiation: federal-provincial transfers in Canada. *Canadian Tax Journal/Review Fiscale Canadienne*, 2018;66(4):871–917.
6. Бухвальд Е. Российский федерализм на критическом рубеже развития. *Вопросы экономики*. 2008;(9):70–83.
7. Tkachenko A.A. The centennial anniversary of the first census of urban population in the USSR and other achievements of researchers in the present and past in the field of population studies. *Population and Economics*. 2023;7(4):124–149.

8. Ткаченко А.А. Экономические последствия современных демографических процессов в СССР. Монография. М.: Статистика, 1978. 166 с.
9. Бухтияров И.В., Тихонова Г.И., Бетц К.В. и др. Заболеваемость, инвалидность и смертность населения трудоспособного возраста в России. *Медицина труда и промышленная экология*. 2022;62(12):791–796.
10. Горчакова Т.Ю., Чуранова А.Н. Современное состояние смертности населения трудоспособного возраста в России и странах Европы. *Медицина труда и промышленная экология*. 2020;60(11):756–759.
11. Ткаченко А. Экономика и народонаселение России. *Власть*. 2006;(4):11–18.
12. Семенюк К.А. Мужская сверхсмертность и гендерные стереотипы в русской культуре (на примере русской сказки). *Медицинская антропология и биоэтика*. 2015;9(1):11(No).
13. Ткаченко А.А. Задачи пространственного развития России с точки зрения демографических процессов и национальной безопасности. *Вестник Российской академии наук*. 2023;93(2):112–120.
14. Мильчаков М.В. Особенности финансовой поддержки регионов при реализации национальных проектов. *Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал*. 2019;49(3):22–37.
15. Гришина Е.Е., Цацура Е.А. Региональный материнский капитал: анализ региональных различий и влияния на репродуктивное поведение. *Уровень жизни населения регионов России*. 2017;205(3):51–58.
16. Вакуленко Е.С., Ивашина Н.В., Свистильник Я.О. Региональные программы материнского капитала: влияние на рождаемость в России. *Экономика региона*. 2023;19(4):1077–1092.
17. Хайруллина Ю.Р., Жигитова Т.В., Хайруллин Р.Р. Материнский капитал. Инвестиции в будущее или социальное пособие. *Вестник экономики, права и социологии*. 2015;3:270–274.
18. Селиванова О.В., Смирнов В.М. Анализ влияния материнского капитала на снижение региональной бедности. *Экономика труда*. 2022;12(9):2049–2064.
19. Wilson D., Heil I., Heil M. Decline machines and economic development: rust belt cities and Flint, Michigan. *Urban Geography*. 2022;43(3):163–183.

REFERENCES

1. Tkachenko A.A. Demographic development of Russia: dead end or hope? (Demographic notes of a pessimist). *Vlast = Power*. 2023;31(5):115–128. (In Russ.).
2. Shavaleeva Ch.M. On grants to constituent entities of the Russian Federation. *Finansy i kredit = Finance and Credit*. 2015;638(14):31–41. (In Russ.).
3. Antoshkiewa T.M. Lessons of free economic zone Ingushetia. *Mir Nauki, Kultury, Obrazovaniya = World of Science, Culture, Education* (Gorno-Altai). 2012;37(6):87–88. (In Russ.).
4. Adiev A.Z., Biyzhanova E.K. Migration processes and demographic resource of Dagestan: trends and municipal features. *Vlast = Power*. 2019;27(6):172–178. (In Russ.).
5. Tombe T. “Final and Unalterable” — but up for negotiation: federal-provincial transfers in Canada. *Canadian Tax Journal/Review Fiscale Canadienne*. 2018;66(4):871–917.
6. Bukhvald E.M. Russian Federalism at a critical frontier of development. *Voprosy Ekonomiki = Economic issues*. 2008;(9):70–83. (In Russ.).
7. Tkachenko A.A. The centennial anniversary of the first census of urban population in the USSR and other achievements of researchers in the present and past in the field of population studies. *Population and Economics*. 2023;7(4):124–149.
8. Tkachenko A. A. Economic consequences of modern demographic processes in the USSR. Monograph. Moscow: Statistics; 1978. 166 p. (In Russ.).
9. Bukhtiyarov I. V., Tikhonova G. I., Betts K. V., Bryleva M. S., Gorchakova T. Yu., Churanova A. N. Morbidity, disability and mortality of the working-age population in Russia. *Medicina truda i promyshlennaya ehkologiya = Russian journal of Occupational Health and Industrial Ecology*. 2022;62(12):791–796. (In Russ.).
10. Gorchakova T. Yu., Churanova A. N. Current state of mortality of the working-age population in Russia and Europe. *Medicina truda i promyshlennaya ehkologiya = Russian journal of Occupational Health and Industrial Ecology*. 2020;60(11):756–759. (In Russ.).
11. Tkachenko A. Economy and population of Russia. *Vlast = Power*. 2006;(4):11–18. (In Russ.).

12. Semenyuk X.A. Male excess mortality and gender stereotypes in Russian culture (using the example of a Russian fairy tale). *Medicinskaya antropologiya i bioetika = Medical anthropology and bioethics*. 2015;1(9):11. (In Russ.).
13. Tkachenko A.A. Tasks of spatial development of Russia from the point of view of demographic processes and national security. *Vestnik Rossijskooj Akademii Nauk = Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2023;93(2):112–120. (In Russ.).
14. Milchakov M.V. The features of federal support allocation among russian regions for national projects execution. *Finansovyy zhurnal = Financial Journal*. 2019;49(3):22–37. (In Russ.).
15. Grishina, E.E., Tsatsura, Ye.A. Regional maternal capital: analysis of regional differences and influence on fertility behavior. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii = Living standards of the population in the regions of Russia*. 2017;205(3):51–58. (In Russ.).
16. Vakulenko E.S., Ivashina N.V., Svistyl'nik Ya.O. Regional maternity capital programmes: impact on fertility in russia. *Ehkonomika regiona = Economy of Regions*. 2023;19(4):1077–1092. (In Russ.).
17. Khayrullina Yu.R., Zhigitova T.V., Khayrullin R.R. Maternity capital. investment in future or social securities. *Vestnik ehkonomiki, prava i sociologii = The Review of economy, the law and sociology*. 2015;(3):270–274. (In Russ.).
18. Selivanova O.V., Smirnov V.M. The impact of maternity capital on poverty reduction in the region. *Ehkonomika truda = Russian Journal of labor economics*. 2022;12(9):2049–2064. (In Russ.).
19. Wilson D., Heil I., Heil M. Decline machines and economic development: rust belt cities and Flint, Michigan. *Urban Geography*. 2022;43(3):163–183.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Александр Александрович Ткаченко — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института исследований международных экономических отношений, Финансовый университет, Москва, Россия

Alexander A. Tkachenko — Dr. Sci. (Econ.), Prof., Chief Researcher at the Institute for Research of International Economic Relations, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-8828-1761>

aatkachenko@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 15.03.2024; принята к публикации 20.05.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received 15.03.2024; accepted for publication 20.05.2024.

The author read and approved the final version of the manuscript.